

Возвращение Эзопа

Эдвард Радзинский
вспоминает будущее

«Что было — то будет, что случилось — то и случится, и нового нет под солнцем», — эти безапелляционные слова из библейской книги Екклесиаста лучше всего подходят для описания события, которое случилось в понедельник в Концертном зале имени Чайковского. Известный драматург и толкователь отечественной истории Эдвард Радзинский провел первый вечер из цикла «Политические убийства в России».

Журнал 2003-5 ноябрь - с. 12
Георгий ИЛЬЧЕВ

Призвав зрителей «не плакать, не смеяться, но понимать», Радзинский принялся рассказывать об одном из самых важных периодов нашей истории: двадцатилетии, которое началось с отмены крепостного права в 1861 году и завершилось 1 марта 1881 убийством царя-реформатора Александра II. С точки зрения Радзинского, император, освободивший одним росчерком пера 23 миллиона крепостных, совершил единственную в истории России «благодетельную революцию милостью сверху».

— Слова «гласность» и «оттепель» были рождены именно в это время, и они будут передаваться всем будущим перестройкам, но только вместе с граблями, на которые наступала и будет наступать Россия в дни реформ, — заявил рассказчик и посвятил все трехчасовое выступление доказательству этой идеи.

Реформы Александра II были призваны модернизировать страну и ввести ее как равноправного партнера в круг европейских государств, вернуть государство на европейский путь развития. Как известно, эта задача не решена до сих пор — Радзинский буд-то случайно приурочил свое выступление к римскому саммиту Россия—ЕС. После первых месяцев, когда общество было очаровано реформатором, очень быстро выяснилось, что на самом деле все, и прежде всего молодежь — «соль и хлеб реформ», им недовольны.

Именно в эпоху Александра II в России возникает невиданное прежде в России явление — политический терроризм. Чтобы противостоять «молодым варварам XIX века — террористам», власть должна обратиться к обществу. Но она этого не делает. Необходим диалог власти с народом, но царь не может, не хочет и не знает, как его вести.

После покушения Каракозова на царя происходит взрыв любви к государю с истерическим акцентом — сейчас будут сечь. Реформатор обиделся и призвал на помощь генерала Муравьева, усмирителя польского восстания, развесившего на фонарных столбах пол-Варшавы. Некрасов пишет ему панегирик, а общество воспринимает расправу с облегчением, утверждает Радзинский. По его словам, появляется стая благонамеренных людей, столица завалена доносами.

— Мы из той же страны страха, — напоминает рассказчик и цитирует Ключевского: «Покорная апатия сменилась злостью, подкладка которого — падение благосостояния при некоторых исключениях».

От реформ тогда действительно пострадала большая часть общества. И нашлись люди, которые быстро ему объяснили: все беды от реформ. «Главная ложь

нашего времени — это выборы и Конституция», — провозгласил глава антилиберальной партии Победоносцев.

В то же самое время появляются первые российские капиталисты. «Новейшие господа», как и сегодня, не стесняются демонстрировать свое богатство, и это порождает в не слишком обеспеченном обществе ненависть и отрицание капитализма. «Ныне токует лишь тот, кто не украл миллиона», — пишет Некрасов.

Молодые радикалы начинают знаменитые хождения в народ. Власть в ответ делает то, чего хотели самые истовые революционеры вроде Нечаева, — арестовывает и сажает студентов в тюрьму. Три с половиной тысячи человек оказываются в заключении, десятки умирают.

Общественное мнение меняется, террористы постепенно становятся «священными королями», которые борются «со слякотной властью», отказывающейся от реформ. Но останавливать реформы опаснее, чем начинать, утверждает Радзинский. Каждый шаг в этом направлении только приближает катастрофу.

Происходит взрыв в Зимнем дворце, 10 трупов, искалечены 50 гвардейцев. Столицу наполняют страх и паника, пошел слух, что заминирован весь Петербург.

Государь объявил войну террористам, разбил страну на генерал-губернаторства, во главе которых поставил проверенных людей в эпоху (вам это ничего не напоминает?). Постепенно складывается союз реакционеров и тайной полиции, характерный для всех автократических государств.

— Я буду повторять это до тех пор, пока не дойдет до тех, кто обязан думать о будущем России, — с металлом в голосе произносит Радзинский и рассказывает:

— Жуковский говорил своему воспитаннику, будущему царю Александру II: революция — это когда после понедельника наступает среда.

Но нельзя вернуться из понедельника в воскресенье, как сделал Александр III. Его цель была восстановить беспощадность власти. Он ее добился, после чего объявил, что «русский царь не будет присягать каким-то скотам», — так была похоронена идея выборов в какое-то законодательное учреждение, первый шаг к Конституции, заключает Радзинский.

Спасти монархию можно было только ограничив ее. Страна пошла по другому пути, Александр III «заморозил» ситуацию. Результат известен — 1917 год. Почему-то все хорошее в России никогда не доходит до конца, задумчиво произносит Радзинский и без энтузиазма обнадеживает: наша история только начинается, у нас есть шанс выйти из этого круга. Зал взрывается аплодисментами, все намеки он понял.